

Я ТАК ХОТЕЛ УСЛЫШАТЬ ОТ ВАНИ ОТВЕТ НА ЭТОТ ТАК МУЧАЮЩИЙ (МЕНЯ САМОГО ВОПРОС, ЧТО СОВЕРШЕННО) ЗАБЫЛ О ТОМ, ЧТО РЯДОМ СО МНОЙ СИДИТ МАЛЬЧИК ШЕСТИ ЛЕТ ОТ РОДУ

Я УТРОМ ХОТЕЛ отвезти детей в школу. Когда получается, я стараюсь это делать. Стараюсь не в том смысле, что заставляю себя, а в том, что очень хочу, но не всегда получается (впрочем, все равно уже, что бы ни написал, похоже на попытку оправдания).

В общем, я хотел это сделать и спросил проснувшегося и одетого, но лежащего в кровати ничком с закрытыми глазами Ваню, хотел бы он, чтоб я отвез их, или не хотел бы. Разумеется, это было кокетство с моей стороны, и для Вани это было ясно. Он открыл глаза и с упреком сказал:

— Ну конечно, хотел бы.

Машу я даже спрашивать не стал.

А зря: она не захотела. Я был в шоке. У нее появились собственные планы! До сих пор она не отрывала их от Ваниных. Только производственная необходимость могла заставить их разлучиться: плавание в разное время или Машины танцы и Ванино ушу, совпадающие во времени... Но сознательно отказаться от моего общества и от общества брата ей раньше и в голову не могло придти.

То есть я засек этот момент в ее жизни. Это случилось через две недели после того, как ей исполнилось восемь лет.

Ради чего она это сделала? Чтобы ее отвезла мама. То есть и этот момент я тоже засек. Так, все, Маша льнет к маме.

Но Ваня-то — к папе.

— Маша,— спросил он,— ты что, не едешь с нами?

— Нет,— говорит Маша,— вы что-то долго собираетесь. Я с вами опоздаю в школу. А мне еще цветы купить надо.

Это была правда: у кого-то в школе случился день рождения.

— А, ну ладно,— сказал Ваня,— тогда мы поехали.

Через полминуты он был готов к выходу из дома, и ему даже пришлось подождать меня: я не ожидал от него такой прыти в буквальном смысле этого слова. В самом деле, он просто запрыгнул в свои ботинки. Я знаю, почему. Он хотел для начала показать, что долгие сборы — не причина для того, чтобы не ехать вместе с нами в школу, и что на самом деле у Маши есть какие-то другие причины. И я не могу сказать, что ему не удалось это показать.

Более того, я и сам одевался со слишком подозрительной быстротой, чтобы ее можно было списать на обычную торопливость, когда кто-то куда-то слегка, но уж точно не безнадежно опаздывает. Тем бо-

лее что мы с Ваней никуда не опаздывали: в детском саду нет звонка в 9 утра на первый урок (хотя он его и слышит, потому что детский сад и начальная школа — в одном здании). Нет, мне, хотя я себе, наверное, и не признался в этом, тоже хотелось показать, что цветы — не причина для того, чтобы отказываться с нами ехать.

В машине Ваня сказал мне:

— Папа, у меня есть одна идея. Ты, наверное, не согласишься. А зря.

— Ну давай, говори,— сказал я, в общем, обреченно.

Что он опять себе присмотрел в том магазине на втором этаже?

— Давай сделаем тату машине,— сказал он.

Ему удалось меня удивить.

— Подожди, Ваня,— сказал я.— Ты что имеешь в виду? То же, что и я?

Я-то подумал про аэрографию. Более того, я про нее и в самом деле думаю уже некоторое время. Мне хочется, но меня останавливает только одно: я не могу придумать сюжета. У меня нет в голове картинки, которая должна быть на машине. Я смотрел сайты, ездил даже к людям, которые занимаются этим, я перебрал кучу собственных вариантов — и ничего. То, что я видел, кажется пошлым, а то, что придумывал,— пафосным.

Ваня имел в виду именно аэрографию.

— Ну, такое же тату,— пояснил он,— как я на руке себе делаю иногда.

Эти тату, как правило, вложены в жвачку «Хаббл-баббл» и ценны тем, что, по-моему, никогда не повторяются. Еще больше они ценны тем, что стираются через день или в крайнем случае через два.

— Согласен,— говорю я, злясь оттого, что мы на ровном и обычно пустом месте попали в пробку, и что надо было поехать другой дорогой, и что Маша с мамой могут нас теперь опередить. — Но что мы рисуем?

— Я знаю что,— говорит Ваня.— А ты разве еще не догадался?

— Нет,— говорю я с мгновенно возросшим интересом.— Сдаюсь.

То есть я, будучи крайне заинтересованным в результате, сознательно перескакиваю через несколько этапов разговора, которые ритуально предшествуют капитуляции и обычно доставляют мне удовольствие: первая попытка, вторая попытка...

— Буквы должны быть,— говорит он.

— Какие?

— Все,— отвечает он.— Все, какие есть.

Весь алфавит. Чтобы люди ездили мимо нас и учили.

Я так хотел услышать от него ответ на этот так мучающий меня самого вопрос, что совершенно забыл о том, кто сидит рядом со мной (да, я против всех правил, в том числе собственных, посадил его на переднее сиденье — наверное, в благодарность за то, что он не раздумывая поехал со мной в детский сад). А рядом со мной сидел мальчик шести лет от роду.

Потом я подумал о том, что на самом деле это не такая уж плохая идея, особенно для машины журналиста. И что сделать-то это можно по-разному (не обязательно же писать на машине «Коммерсантъ»). Пафос, конечно, в этом тоже есть, но можно попробовать и без пафоса (хотя что-то подсказывает: вряд ли получится).

И я говорю:

— Надо подумать. Не исключено. А еще идеи есть?

— Конечно,— отвечает Ваня.— Тигра надо нарисовать.

— Ну,— говорю,— тигр на каждой второй машине есть. Такой, прыгающий, что ли? С раскрытой пастью?

— Ну да,— упавшим голосом говорит Ваня.— Я знаю, что он есть.

Я понимаю, что он сначала сказал то, что хотел, а потом,— то, что, он думал, может понравиться мне. И он расстроился оттого, что мне не это понравилось. Может, правда, я придумал себе эти его переживания. Но скорее всего, нет.

— Нет,— повторяю я.— Зверей на машине не должно быть. Ни диких, ни домашних. Еще варианты есть?

— Конечно,— говорит Ваня.— Надо Маше позвонить.

То есть попросил помощь друга. Не может все-таки без нее обходиться. И не стыдится признаться в этом.

Мы звоним Маше. Они тоже уже выехали.

— Тату? — переспрашивает Маша.— Я знаю, что можно сделать. Когда я смотрела «Мою прекрасную няню», то прекрасная няня нарисовала девочке тату: дракон, но не весь, а только голова, а внизу он как привидение, и на нем пятнышки... В общем, пап, когда ты будешь дома, я тебе нарисую.

Я попробовал представить себе, что это будет.

— Ладно,— говорю,— Маша, спасибо.

— Не за что,— отвечает Маша.— А вы где?

— А мы в пробке ехали, а теперь уже

подъезжаем к школе. А вы где?

— А я не скажу,— говорит она и отключает телефон.

То есть они еще не доехали.

— Ваня,— опять поворачиваю я голову к мальчику,— можешь еще что-нибудь предложить?

Это уже нечестно, я понимаю. Он и так уже много предложил. Но я все-таки еще на что-то надеюсь. (Хотя тот первый вариант все-таки интересный.)

— Конечно,— говорит он.— Можно небо нарисовать, и в нем самолет летит. Получится, что ты наперегонки с самолетом едешь. Или можно, например, космос нарисовать.

Я еще первую часть не успеваю осмыслить, насчет неба и самолета, а сам уже про космос тоже думаю.

— А как ты космос рисуешь?

— Планеты надо будет нарисовать, и все,— отвечает Ваня.— Это будет понятно. Юпитер там...

— Ты что, планеты знаешь? — спрашиваю я.

— Ну конечно, папа,— говорит он.— Почему ты все время удивляешься, когда я что-то знаю?

— Ну тогда какие еще есть планеты?

Я вообще-то хотел ему сказать, что какое-то его предложений, похоже, пройдет и будет реализовано, но сначала закончим разговор о планетах. Не надо было на меня нападать. Да, я удивляюсь. Что, он имеет в виду, что я так редко с ним бываю, что меня удивляет, когда выясняется, что он о чем-нибудь знает?

— Давай,— говорю,— называй планеты тогда.

— Ну, значит, так,— поднимает он глаза с таким сосредоточенным видом, как будто видит все эти планеты как меня и надо только не забыть их все перечислить.— Юпитер, Сатурн...

Ничего себе, думаю я. И правда знает.

— Венера,— продолжает он.— Гарделандия...

— Что?!

— Гарделандия,— повторяет Ваня.

— Ты откуда такую планету знаешь?

— У меня в компьютерной игре она есть. Я тебе покажу, если не веришь.

А я верю.

И я когда выхожу из детского сада и разворачиваюсь на маленьком пятчке, мне кто-то отчаянно сигналил. Я с недоумением смотрю в зеркало: я же никого там не трогал.

А, это Маша подъехала.